

края. Трогательны были проводы тобольскою паствою своего Архипастыря на новое мѣсто его служенія: весь городъ всталъ на проводы, сказано много рѣчей, много поднесено адресовъ и прощальныхъ подарковъ провожаемому Архипастырю. И вотъ теперь, услышавъ о смерти прежняго своего Владыки, тобольцы встревожились: спрашиваютъ о времени погребенія, чтобы вознести молитвы о упокоеніи почившаго Архипастыря; выражаютъ скорбь о кончинѣ „приснопамятнаго Епископа Аврамія“. Такъ успѣлъ почившій Архипастырь расположить къ себѣ тобольскую паству, такъ жива въ тобольцахъ память объ усопшемъ Владыкѣ и трудахъ его на пользу паствы тобольской.

Покойся же о многихъ земныхъ трудовъ, неутомимый и неустанный Труженникъ! Покойся, дорогой и благостный Архипастырь! Не уподобился Ты рабу, закопавшему данный ему талантъ въ землю, и, мы увѣрены, что дѣла Твои не поставятъ Тебя на судъ предъ лицомъ Праведнаго Судьи!

Послѣсловіе: Испрашиваю у почившаго Архипастыря и у знавшихъ почившаго читателей милостиваго прощенія, если окажется, что въ описаніи семь пропущено, пройдено или забыто и превращено: не намѣреніе какое тому вина, а поспѣшность и краткое время; да къ тому же извѣстно изреченіе древнихъ книжниковъ: „недоумѣніе и забвеніе надъ всѣми нами хвалится“.

Преподаватель семинаріи *А. Лебедевъ*.

I.

РѢЧЬ

при выносѣ въ Бозѣ почившаго Преосвященнаго Епископа Аврамія, сказанная Архимандритомъ Платономъ.

Дорогой и благостный нашъ Архипастырь! Зачѣмъ ты такъ рано насъ оставляешь? Давно-ли ты купно съ нами совершалъ Божественную Литургію? Давно-ли

мы наслаждались твоими кроткими, душеспасительными беседами? И вотъ, мы видимъ тебя нынѣ безгласна и бездыханна предлежаща. Съ глубокою скорбію мы собрались теперь во множествѣ воздать тебѣ христіанскій долгъ — проводить тѣло твое къ мѣсту христіанскаго погребенія. Воззри на паству свою, добрый нашъ Архипастырь, и посмотри, какъ она тебя любила: она не можетъ равнодушно, безъ слезъ вспомнить, кого она въ лицѣ твоёмъ лишается. Да, дорогой Архипастырь! не долго ты жилъ во градѣ семъ! Но въ столь короткое время ты умѣлъ расположить къ себѣ наши сердца. Образъ кроткаго и добраго Христіанскаго Пастыря, готоваго положить душу свою за овцы своя, долго-долго останется у насъ въ памяти и глубоко напечатлѣется въ нашихъ сердцахъ. Прости насъ, Владыко Святый, и не помяни неправдъ нашихъ! Да будетъ благословенно и мирно шествіе твое къ вѣчному упокоенію. Не оставь насъ святыми своими молитвами! Помяни насъ, Владыко, егда приедеши во царствіи вѣчнаго и Всеблагаго Бога! Аминь.

II.

Р Ѣ Ч Ъ

при погребеніи въ Бозѣ почившаго Преосвященнѣйшаго Епископа Аврамія, сказанная Протоіереемъ о. І. Ивановскимъ.

Судьбы Божіи совершились! Черезъ 30-ть лѣтъ снова разверзается земля на этомъ святомъ мѣстѣ, чтобы принять священные останки другаго святителя Божія, другаго Архипастыря паствы саратовской, Преосвященнѣйшаго Аврамія*) Пораженные внезапностію его кончины, стоимъ мы предъ гробомъ его, надъ его разверзстою могилою въ смущеніи и

*) Преосвященный Саратовскій Евѣимій скончался 17 Октября 1863 года и погребенъ въ томъ же нижнемъ кафедральномъ соборѣ, гдѣ погребенъ и Преосвященный Аврамій, скончавшійся 24 Октября 1893 года.

скорби. Господи! что се еше о насъ бысть таинство? Непреложень глаголь Божій о человекѣ перстномъ; не вѣдаетъ человекъ и на высшихъ ступеняхъ служенія своего дня и часа, въ который воззоветъ его Господь. Давно-ли мы срътали въ этомъ святомъ храмѣ возлюбленнаго архипастыря своего! Три съ половиною года тому назадъ: такъ недавно! Живо помнимъ мы утро зимняго дня; помнимъ такой же, какъ теперь, соборъ служителей святаго алтаря и сонмъ народа, собравшагося сюда встрѣтить и въ первый разъ привѣтствовать архипастыря своего. Веселый и бодрый вступилъ онъ во св. храмъ этотъ и въ первый разъ преподаль миръ и благословеніе своей, Богомъ данной ему паствѣ воть съ этого святаго мѣста. Съ тѣхъ поръ положили онъ душу свою въ храмъ этотъ; съ тѣхъ поръ онъ неѣсно вмѣстилъ въ своемъ сердцѣ всю паству свою и весь отдался дѣланію, на которое призвалъ его Господь. Съ первыхъ же дней служенія своего онъ привелъ храмъ этотъ въ болѣе благолѣпный видъ и совершалъ потомъ въ немъ Божественныя службы преимущественно предъ храмами другими. Отъ трудовъ и заботъ слабѣя силами тѣлесными, онъ крѣпокъ былъ силами духовными: онъ никогда не жаловался на утомленіе, но готовъ былъ на трудъ всегда, даже когда видимо угнетала его немощь. Наканунѣ дня его кончины мы были у него по дѣламъ службы, по зову его. Онъ вышелъ къ намъ съ явными слѣдами недуга смертельнаго и коснѣющимъ языкомъ говорилъ о предстоящемъ служеніи, увѣряя, что съ нимъ лишь незначительная болѣзнь и что „храбрости у него много“. Нужно было усиліе, чтобы отклонить его отъ служенія, которое какъ очевидно не въ силахъ былъ совершить. Преданный служенію Богу и людямъ, почившій Архипастырь не щадилъ себя. Двери его дома закрывались только тогда, когда глубокая ночь останавливала имѣющихъ нужду въ немъ и онъ, усталый отъ дневныхъ трудовъ, уходилъ ко сну. Рано утромъ онъ уже бодрство-

валь, и двери его дома открывались опять. Всегда занятый дѣломъ, всегда доступный всѣмъ, онъ не любилъ праздности и со всѣми говорилъ только о дѣлѣ, дорожа временемъ. Постоянно благодушный и сдержанный, онъ не могъ гнѣваться: отъ него никто не отходилъ обиженнымъ или огорченнымъ. Многие дивились ему, еще большіе благословляли его. Сознавая важность и отвѣтственность предъ Богомъ и людьми дѣлъ своихъ, онъ не терпѣлъ и не допускалъ въ дѣлахъ этихъ постороннихъ вліяній, не выносилъ путей не прямыхъ, но все дѣлалъ такъ, какъ полагалъ Богъ на сердце его. Зоркій глазъ его проникалъ во всѣ отрасли обширнаго епархіальнаго управленія, и его совѣтъ благій чувствовался всюду. Строгий къ самому себѣ, онъ былъ, однакожъ, снисходителенъ къ другимъ. Онъ щадилъ человѣческія слабости, прощалъ ошибки, цѣнилъ всякую искру раскаянія, онъ часто уменьшалъ мѣру наказанія виновному, растворяя это наказаніе христіанскою любовью настолько, что оно теряло суровость свою, оставляя послѣ себя сознаніе вины и рѣшимость беречься отъ нея. Помнимъ мы минувшій тяжелый голодный годъ; помнимъ толпы бѣдняковъ, которые съ утра и до вечера приходили къ нему съ надеждою и отходили отъ него съ утѣшеніемъ и помощію. Въ благотвореніяхъ своихъ онъ не разбиралъ народности, не гнушался иновѣріемъ. А сколько сиротъ и бѣдняковъ пользовалось его даваніями невѣдомо для многихъ! Правая рука его часто давала такъ, что лѣвая не знала его рука лѣвая.

И вотъ онъ совершилъ указанное ему Богомъ и теперь отходить къ Богу, по вѣчному Творческому глаголу. Сподобилъ его Господь христіанской кончины, безболѣзненной, непостыдной и мирной; преподала ему св. Церковь прощеніе, разрѣшеніе, отпущеніе и освященіе. Совѣмъ готовый въ путь далекій, въ міръ невидимый и непостижимый для насъ, онъ здѣсь, въ этомъ св. храмѣ въ послѣдній разъ предъ очами нашими своими обранными останками.

Онъ и уже зритъ таинственный міръ этотъ. Съ скорбію мы окружаемъ гробъ его и провожаемъ *письми исходными*. Миръ тебѣ, пастырь добрый, полагавшій душу свою за люди своя! Миръ тебѣ, дѣятель неусѣпный и неотомимый! Миръ тебѣ, святитель Божій, носившій въ себѣ кротость, незлобіе и свѣтъ Христовъ! Миръ тебѣ, рабъ Господа благій и вѣрный! Утѣшь насъ оставляемыхъ тобою твоимъ предстательствомъ предъ Богомъ; благослови насъ изъ міра горняго; помяни насъ на небѣ, какъ и мы всегда помянемъ тебя на землѣ въ молитвахъ нашихъ. Помолись тамъ, предъ престоломъ Божиимъ, да почиетъ на насъ духъ твой, да пойдёмъ и мы путями, которыми шель ты на землѣ. Да вселитъ тебѣ Небесный Судія и Отець за вся благая твоя въ селеніяхъ праведныхъ, по благодати и челоуѣколюбію Своему, Ему честь и слава вѣки вѣковъ!

III.

Р Ѣ Ч Ъ

при погребеніи въ Бозѣ почившаго Преосвященнаго Епископа Аврамія, произнесенная воспитанникомъ VI кл. семинаріи В. Красновымъ.

О, сколь ужасное, сколь плачевное, рыданій ослезъ достойное зрѣлище! Нашего архипастыря и любви-обильнаго отца мы видимъ безгласна и бездыханна, во гробѣ безславна лежаща. О, сколь великая и незабвенная утрата для всѣхъ насъ, духовныхъ чадъ твоихъ, и для насъ — твоихъ питомцевъ въ особенности! Духовные и монашествующіе лишились въ тебѣ своего непосредственнаго начальника и образцоваго руководителя; мірскіе люди потеряли въ тебѣ своего премудраго учителя и духовнаго наставника; паства вся лишилась въ тебѣ своего добраго пастыря, право правившаго стадо свое. А мы, духовные питомцы, что потеряли въ тебѣ, почившій архипастырь? Все, что для насъ было только дорогого, необходимаго и полезнаго. Мы лишились

въ тебѣ милостиваго начальника, великодушно снисходившаго къ нашимъ слабостямъ и проступкамъ, лишились мудраго учителя и руководителя молодыхъ умовъ, постоянно внушавшаго намъ глаголы жизни вѣчной; лишились въ тебѣ сердобольнаго отца, неуспяно заботившагося о нашемъ внутреннемъ и вѣншнемъ благосостояніи. И давно ли было то время, когда ты, добрый Архипастырь, находился среди вѣрныхъ чадъ твоихъ, бесѣдовалъ съ нами, питомцами твоими? Давно ли ты раздѣлялъ нашъ семейный и ученическій праздникъ? Давно ли мы видѣли тебя молящагося въ нашемъ храмѣ, воздѣвающаго руки предъ престоломъ Царя Небеснаго? Давно ли мы слышали твои тихія, кроткія арфічи, растворенныя любовью къ намъ, твоимъ питомцамъ? А нынѣ что зримъ?! Смерть, злѣйшій и неумолимый врагъ челоуѣчества, какъ тать ночной, подкралась и внезапно поразила тебя. Непроглядный мракъ осѣнилъ ясное чело твое, въ непробудномъ и роковомъ молчаніи застыли уста твои. Ни полслова, ни жеста, ни намека нѣтъ на то, что за страшное таинство совершилось съ тобой, куда дѣвалась душа твоя?! Пройдетъ нѣсколько минутъ и эти бранные останки предадутся землѣ на ислѣніе, по слову Сказавшаго: *Яко земля еси и въ землю ошгидеши* (Быт. III, 19).

Но неужели къ этому только клонила вся жизнь твоя? Неужели это только составляетъ цѣль и завершеніе твоей жизни на землѣ?! Нѣтъ, твоя жизнь, исполненная многихъ трудовъ, твои добродѣтели не исчезнутъ, но навсегда останутся въ сердцахъ и умахъ многочисленныхъ духовныхъ чадъ твоихъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, возможно забыть твои отеческія отношенія къ намъ, духовнымъ питомцамъ? Въ нашей памяти не изгладились и никогда не изгладятся пріятныя воспоминанія о тѣхъ немногихъ часахъ, которые ты провелъ среди стѣнъ нашего заведенія.

Бывало для насъ, твоихъ питомцевъ, составляло какой то особый праздникъ и торжество, когда ты посѣщалъ на-

ши классы, и наши экзаменаціонныя испытанія. Сколько искренней любви, сколько теплаго участія выразилось въ этихъ твоихъ посѣщеніяхъ! Намъ, какъ школьникамъ, особенно было дорого то, что ты близко къ сердцу принималъ наше учебное дѣло. При посѣщеніяхъ семинаріи ты самъ съ обыкновенною твоею простотою и любезностію разспрашивалъ учениковъ, испытывалъ ихъ познанія, задавая каждому вопросы, самъ же ты часто дѣлалъ намъ разрѣшеніе многихъ вопросовъ, особенно при раскрытіи мудрыхъ истинъ христіанства. При этомъ ласковымъ словомъ своимъ ты ободрялъ и поощрялъ прилежныхъ и трудолюбивыхъ и фамилію ихъ имѣлъ обыкновеніе записывать о себѣ на память. Но мало этого: ты, неутомимый Архипастырь, обремененный многочисленными дѣлами по епархіи, находилъ еще время слѣдить за нашими даже домашними работами, прочитывалъ ихъ у себя на дому и дѣлалъ на нихъ свои мудрыя замѣчанія. Оставляя наше заведеніе, ты, олюбеобильный Архипастырь, всегда имѣлъ обыкновеніе напутствовать насъ краткой бесѣдой, заключая ее своимъ святительскимъ благословеніемъ. Въ этихъ своихъ задушевныхъ бесѣдахъ ты старался внушить намъ любовь къ порядку, дисциплинѣ, тихому поведенію, (указывая, что нравственная жизнь или доброе поведеніе всегда должно составлять главную цѣль жизни каждаго человѣка и насъ, какъ будущихъ пастырей, въ особенности). Нѣтъ, словами нельзя подробно передать всего твоего участія въ насъ: это болѣе близко къ сердцу нашему и имъ вполне чувствуется. И вотъ тебя, этого нашего неопѣннаго благодѣтеля, не стало. Какъ всякій смертный, ты заплатилъ дань природѣ, вкусило жало смерти, а мы, твои дѣти, пришли отдать послѣдній долгъ, и прощальное привѣтствіе твоему охладѣвшему уже праху. Взгляни, Владыко, еще хотя одинъ разъ на насъ, тосиротѣвшихъ чадъ твоихъ, жаждущихъ по обыкновенію получить отъ тебя духовной, насущной пищи. Но, увы, горькая печальная дѣй-

ствительность! Хладныя вѣка на вѣки закрыли твой потухшій взоръ, печать гробового молчанія покоится на устахъ твоихъ! Ты не слышишь нашихъ воздыханій, ты не видишь нашихъ омраченныхъ лицъ, увлажненныхъ слезами: ты почилъ и почилъ на вѣки! Но такова участь тѣла, какъ и всего чувственнаго и земного. Твой же бессмертный духъ, безъ сомнѣнія, живъ и теперь, сбросивъ узы брэнной и немощной плоти, воспарилъ въ необъятный океанъ вѣчности и предстоить теперь предъ престоломъ Правосуднаго Судии, дабы получить возмездіе за жизнь свою. Чѣмъ-же мы можемъ отблагодарить тебя, милостивый Архипастырь, за твои неусыпные труды и заботы о насъ? Что-же мы можемъ принести тебѣ въ этотъ страшный и ужасный часъ, когда все земное и чувственное чуждо тебѣ?

Наши грѣшныя земныя молитвы, наши надгробныя рыданія и пѣсни о тебѣ — вотъ все, что мы можемъ принести тебѣ. Прими же ихъ, любвеобильный Архипастырь, какъ даръ нашей христіанской любви къ тебѣ и какъ напутствіе тебѣ въ невозвратную страну вѣчности.

IV.

РѢЧЬ

по опущеніи тѣла въ Бозѣ почившаго Преосвященнѣйшаго Епископа Аврамія, сказанная законоучителемъ гимназіи свящ. Вл. Волковскимъ.

Итакъ всѣ наши обязанности по отношенію къ тѣлу въ Бозѣ почившаго Архипастыря нашего, Преосвященнѣйшаго Аврамія, нами исполнены. Пройдетъ нѣсколько минутъ, и отверзтая могила сокроетъ отъ насъ до всеобщаго воскресенія честное тѣло его. — Остаются наши обязанности по отношенію къ бессмертной душѣ него, предстоящей днесь предъ пастыреначальникомъ Господомъ обязанности постоянного молитвеннаго воспоминанія о блаженномъ упокоеніи

души усопшаго новопреставльшагося раба Божія, Преосвященнѣйшаго Аврамія.

Велико, многосложно и многоотвѣтственно служеніе святительское! „Какая потребна для облеченнаго этимъ саномъ, говорилъ почившій въ своей рѣчи Святѣйшему Синоду по нареченіи его въ епископа Михайловскаго, викарія Рязанскаго, 19 ноября 1880 г., какая потребна чистота сердца... духовная мудрость... самоотверженная любовь къ пасомымъ, дабы *всѣмъ быть вся*. Какое нужно самообладаніе, чтобы съ одной стороны, по долгу званія своего, подобно орлу, возвышаться надъ окружающимъ міромъ и воспарять въ горня къ солнцу правды—Христу, а съ другой обозрѣвать, въ предоставленныхъ властію предѣлахъ, совершающіяся на землѣ самыя разнообразныя и нерѣдко мрачныя явленія жизни человѣческой? (Церк. Вѣст. 1880 г. № 47).“—И притомъ какая великая отвѣтственность не только за собственное, но и за спасеніе всѣхъ пасомыхъ!

Зная по себѣ самихъ немощь человѣческую и помня, что *еще беззаконія наши назрѣтъ Господь* на страшномъ судѣ Своемъ, то никто не устоитъ предъ лицомъ правосудія Его, — живо чувствуя сію грозную для всѣхъ истину и по естественной христіанской любви къ усопшему, ставя самихъ себя въ его теперешнее положеніе, — мы прежде всего и болѣе всего желаемъ и должны расположить себя къ усердной молитвѣ, *да проститъ ему Господь вся, елика, яко человекъ, содѣла, въ мѣръ живя, немощную плоть нося, или отъ дьявола прельстився*. Та же самая любовь христіанская побуждала бы насъ и къ благодарному воспоминанію о всѣхъ свѣтлыхъ и драгоценныхъ качествахъ души почившаго Архипастыря нашего, котораго онъ, несмотря на краткое служеніе свое Саратовской паствѣ, вполне успѣлъ обнаружить. Но о семъ много и хорошо говорили здѣсь болѣе искусные въ словѣ. Пусть же возглашаемая ему нынѣ вѣчная память будетъ не простымъ толь-

ко исполненіемъ обряда погребенія, а живетъ она въ душахъ и сердцахъ нашихъ во вся дни до скончанія живота нашего!

И по истинѣ приснопамятно святительство почившаго для Саратовской паствы. Приснопамятно служеніе его въ семь св. храмѣ, въ коемъ онъ благоговѣнно воздѣвалъ свои преподобныя руки во всѣ воскресные и праздничные дни. Незабвенны его ревность объ обращеніи на путь спасенія заблудшихъ въ дебряхъ раскола и его заботы и старанія о религіозно-нравственномъ образованіи своей паствы. Приснопамятна для насъ останется та доступность и отеческое вниманіе ко всѣмъ, по которымъ въ каждый часъ дня и вечера для всѣхъ была открытъ входъ къ почившему Архипастырю, обходившемуся со всѣми то въ духѣ кротости и смиренія, то въ духѣ отеческаго вразумленія, то въ видѣ справедливаго судіи, желающаго болѣе исправить виновныхъ, чѣмъ подвергать ихъ строгому наказанію. Четыре неполныхъ года пробылъ почившій нашъ Архипастырь, но немного осталось даже и глухихъ мѣстечекъ и уголковъ обширной Саратовской Епархіи, гдѣ бы онъ не побывалъ съ словомъ назиданія.

Прости насъ Владыко святой и благослови! Дерзая уповаемъ, что Господь, которому ты, какъ вѣрный и благій рабъ, нелѣпно служилъ отъ юности твоей, и даруетъ тебѣ благодать предстательства быть предъ престоломъ Его небеснымъ. Помяни и насъ, Владыко святой, когда приидеши въ царствіе сіе. Мы же не престанемъ молитвенно взывать: *архиперейство твое оа помянетъ Господь Богъ во царствѣи своемъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.*

Священникъ *В. Волковскій.*